

Новый

→ №2008

КУЛЬКОВ ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Масло
Масло
Масло
Масло
Масло
Масло

Т П

Николане Кузнецову
от Николая Кузнецова

И НАПОСЛЕДОК...

Н. Кузнецов

Больше передовая статья, повествующая о проблемах череповецкой литературы печататься не будет. Проблемы названы: отсутствие серьезной критики, упорядоченной исторической традиции и, наконец, **ЕДИНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА**. О последнем следует сказать особо, пусть даже и повторяясь.

Если бы можно было представить череповецкую поэзию в виде звездного неба, то каждый из нас, так или иначе к ней относящийся, увидел бы небольшой его кусочек. В «телескоп» он увидел бы побольше. Но все бы он не увидел никогда.

Сравнение, может быть, и не совсем удачное, но суть дела оно объясняет достаточно наглядно. Поэты собираются в какие-то кружки, клубы, сборища и т.д. и, по большому счету, в этой среде и живут. Пишут, читают, слушают. О том, что есть другие они, конечно, слышали, но не более того. Конечно, каждый выбирает круг общения по вкусу. И пишет так, как считает нужным. Но не проглядели ли мы за этой анархической идиллией что-то более важное?

Наглядный пример: на литературный семинар в прошлом году приглашались молодые поэты – это точно известно. Но... приглашение до них так и не дошло. Объяснить, как так получилось, даже сейчас никто не может. Вот к чему приводит кружковость и ячейковость!

Уже не раз в «Украине» говорилось о важности настоящего момента для череповецкой литературы. Именно сейчас она обретает свое самостоятельное и самобытное лицо. А это значит, что в скором (хотя, может быть, и не таком скором) времени, череповецкая литература будет рассматриваться как особый феномен. Заметьте: череповецкая. Ибо немислимо думать, что в современный литературный процесс просочатся те мелкие ячейки, которые сейчас имеют место быть.

Вот об этом и стоит подумать. На сегодняшний день мы еще не можем сказать, что сделано много в этом отношении. Все еще нет того центра, где бы собиралось все интересное и ценное, что есть в нашей поэзии. Но все еще впереди.

P.S. В дальнейшем предполагается вместо передовой статьи печатать отчет о деятельности череповецкой литературы.

НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ

Информация для размышления:

- ✓ Родился 5 августа 1936 г. в д. Васютино, Буйского района, Костромской области.
- ✓ Закончил строительный техникум, учился в заочном институте ж.д. транспорта.
- ✓ Работал инженером-строителем в г. Буге, в 1962 г. приехал в Череповец. Работал мастером, прорабом. Строил «Северсталь», «Аммофос», «Азот», школы и жилье г. Череповца.

В каждом событии, как бы велико и значимо оно не было, есть доля утраты. Ведь, несмотря на все завоевания, что-то все равно окажется утерянным...

Николай Алексеевич Кузнецов – поэт поколения строителей металлургического комбината. Как и многие другие, он приехал в Череповец из деревни. Работал строителем. Собственно, в Череповце и сложится он как поэт. Но вот что интересно: одна из важных тем в его творчестве – тоска о родной деревне.

Тема эта настолько актуальна для череповецких поэтов того поколения, что обойти ее стороной нельзя. Поэтому рассмотрим ее на данном примере.

Обычно, тоска по деревне в поэзии возникает, когда поэт приезжает из деревни в большой город. Здесь же он приезжает на Великую Стройку. А это большая разница. Более того, Великая Стройка не на пустом месте, как бывало в нашей истории (Магнитка, Комсомольск-на-Амуре), а в небольшом, но очень достойном городке, который не столь уж и давно называли Северными Афинами. Поэтому, изначально поэт оказывается в прямо-таки великолепных условиях для творческого роста. Он не только впитывает городскую культуру, но и сам творит ее. Недаром ведь он Строитель.

Но вернемся к поэзии.

Первым делом стоит обратить внимание, что родная деревня – это не какое-то конкретное место (хотя и это тоже), а некий символ утраченного прошлого. Поэтому в творчестве Николая Кузнецова не доня родная деревня Васютино, а целый ряд подобных ей: Тимошино, Коргега, Нелазское. Именно количество этих названий и выводит образ конкретной родной деревни на уровень обобщенный.

Небольшая деревня Тимошино.
Деревянных построек ряд.
Дивно-дивно играли гармони
В загорелых руках ребят.
Были руки приучены к плугу,
К пилам, косам и топорам,
Прославляли трудом округу,
Подставляя лица ветрам.
За деревней плескалось море
Золотистой волнистой ржи!
И никак не верилось в горе,
И не снились этажи.
А когда пурпурные краски
Выставлял закат напоказ,
Здесь такие вскипали пляски! -
Пели, точно в последний раз!
Золотого моря не стало,
От домов гнилушки-следы.
Что же так нам отпущено мало!
Как Отчизну спасти от беды?

Село Незаское

Иду, деревнюю.
Ловлю твой взгляд,
Вот церковь древняя,
Деревьев ряд.
Здесь ветер ластится
К вискам веков,
А в небо катятся
Глять куполов.
Нелаза узкая,
Ольха, пески:
Названья русские.
Как васильки.
Здесь астры, лилии,
Дом из венцов
Да Валя милая
Да Кузнецов..
И.. тут Россия вся
Всегда со мной.
И звезды синие,
И дух родной!

Васютино

Каждой утварью, каждой Посудиной.
Полевою распаханной га,
Дорога мне деревня Васютино,
Что сейчас от меня далека.
Пастухи, кузнецы, лесорубы –
Дорогие мои земляки.
Хоть и с виду немножечко грубы,
Но зато – на работу легки.
Многих нет их давно уж на свете
/Помяни их душевно гармони/,
Но всегда мне приветливо светит
Их сердец негасимый огонь.

Корега

Под созвездьем – знаком Козерога,
Или, может, ошибаюсь я,
Вдоль реки раскинулась Корега –
Маленькая родина моя.
В той сторонке на краю оврага,
Где тропа бежит на косогор,
В доме – наподобие барака,
Проживал мой дедушка Егор.
Выпивал он в воскресенье шкалик
И о чем-то о своем молчал,
А за дверью пес веселый Шарик
Ни о чем на свете не скучал.
Время никого не пощадило,
Стерся незаметно косогор.
Шарик сдох, а шкалик раздробило.
И навеки замолчал Егор.
Рухнули и своды, и законы,
И мечты, и дамбы, и мосты,
Только звезды, серебря затоны,
Освещают скорбные кресты.
Только мне все чудится, что Шарик
Лает, лает громко до сих пор!
И тогда я поднимаю шкалик,
Как когда то дедушка Егор!

Подведем итог: в вышеприведенных стихах жизнь в деревне описана в духе древнегреческих идиллий, как противовес суровой жизни города. Своего рода тезис и антитезис, требующий синтеза. Но об этом ниже.

Но сам по себе образ родной деревни существовать не может. Это всего лишь место, пусть отдаленное в пространстве и времени, но не более того. Можно очень хорошо и красиво писать об Южной Америке, но ближе и роднее она от этого не станет. Экзотика и только. Значит, дело тут не в описаниях красот природы и веселой жизни селян. Чтобы образ «заиграл всеми красками», необходим элемент чего-то родного, утраченного, щемящего сердце.

В поэзии Николая Кузнецова есть два важнейших образа: Мать и Церковь. В чем-то они схожи, в чем-то дополняют друг друга, но выражают одно – утраченное прошлое. Мать – символизирует поколение предков, которые остались в деревне, лишенные детей, подавленных в город. Церковь – это духовные корни, от которых эти дети оторвались.

Вместе – это тот мир, который вместе с плясками, гармониями и заливаемыми лугами, остался в прошлом, но которого так не хватает.

Церковь Троица

У речной излуки,
Прислонясь к ветрам,
В небо куполокуй
Возносился храм.
Иногда, коль надо
Он гудел весь день.
Жило много рядом
Сел и деревень...
Рдели оживленьем
Здесьние места,
Музыкой и пеньем
Господа Христа.
Храм теперь заброшен
И почти снесен...
Люд весь обезбожен.
Край наш разорен.
Лишь один угрюмо
Горький лес шумит,
Навевая думы,
Вся природа спит.

Мать моя – Евдокия

Мать моя – Евдокия,
Это имя простое.
В этом слове – Россия,
В маете, в непокое.
В маете, в непокое
Да в делах да в заботе.
Любо дело любое
У нее и в почете.
Говорю ей с тревогой,
Величаю любовно:
-Отдохнула б немного,
Евдокия Петровна!
Только где там – об этом
Даже слышать не хочет
Встанет рано с рассветом
И хлопочет, хлопочет...
Мать моя – Евдокия,
Это имя простое.
В этом слове – Россия,
В маете, в непокое.

Но кроме этого есть еще один существенный образ, который забывать ни в коем случае не следует. Это образ... коровы.

Хотя, если подумать, то ничего странного в этом и нет. Корова для деревенского жителя – это не просто животное, скотина, это нечто более высокое, на чем строится весь деревенский быт. Корову называли кормилицей. Плохи дела, у кого нет коровы...

Вот этот-то, практически взятый из фольклора, образ Коровы и использует Николай Кузнецов, доводя его до высоты чуть ли не символа. Дело в том, что, в народной традиции Корова – это благополучие в материальном плане. Без преувеличения можно сказать, что на деревне Корова – это атрибут сытой жизни.

Новаторство Николая Кузнецова в том, что он переводит образ Коровы из материального плана в духовный. В его поэзии Корова – это нечто, символизирующее счастье человека, а не просто сытую жизнь. Если есть Корова – значит есть и счастье. А все беды от того, что Коровы не стало (см. «Белянка»). А в стихотворении «Каждый вечер буренку я за городом пас» - Корова выступает чуть ли не в роли талисмана любви. Есть корова – есть девчонка, нет коровы – нет девчонки. Образ Коровы здесь достигает почти мистических высот. Очень хороший пример перехода из материального плана в духовный!

Белянка

До самых сумерек лиловых
В перелицованных штанах,
Как часто с белою коровой
Бродил я с вицей в пацанах.
Ей жизнью я своей обязан,
Любви к полянам и лугам.
Незримо до сих пор привязан
К ее извилистым рогам.
Она кормилицей нашей,
Опорой много лет была...
И не было на свете краше
Родного теплого угла
Дохнула выюга жизни новой,
Уклады прежнего грома.
Пришлось прощаться нам с коровой,
И горько плакала семья...

Вновь на меня глядит полянка,
Где я ее нередко пас,
С укором, как сама Белянка,
Что я ее тогда не спас

Каждый вечер буренку
Я за городом пас.
И однажды девчонку
Встретил с глазу на глаз.
В сапогах, в телогрейке,
В материнском платке,
Ты прошла чародейкой
С хворостинкой в руке.
Мимоходом взглянула,
Ослепив красотой,
Словно сердце кольнула
Хворостиночкой той!
Уж давно без буренки
Я живу в далеке,
Все грущу о девчонке
С хворостинкой в руке.

А как же город?

Если деревня – это тезис, то город – антитезис. И выглядит он в творчестве Николая Кузнецова соответствующе. Герой чувствует себя в нем одиноко, неуютно. Он оторван от своих корней, от всего дорогого ему и близкого. Герой таких стихотворений – это человек кающийся. Он кается в том, что «покинул родные просторы», что живет «не так, как надо», что забыл свое прошлое.

Но вот что интересно: нигде автор не утверждает, что город в принципе хуже, чем деревня. Нет. Просто жить в нем бывшим деревенским жителям непросто. Поэтому-то и винить надо в первую очередь себя. Что, собственно говоря, и делается.

Иду назад

Иду назад последу,
Снежок пушистый мну.
Давнишнему соседу
Я старый долг верну. –
Когда-то я обидел
Его за «будь здоров».
Скажу ему. «Простите».
И массу теплых слов.
Но замела поэмка
Мой одинокий след.
Реке моей Костромке
Назад возврата нет.
Обидно так за это,
И совестно за то,
Что я кого-то где-то
Ударил ни за что
И стыдно за другое.
Бывало, надо вот
Сказать бы слово злое.
А я молчал как крот
Одернуть хулигана
В трамвае не посмел,
И сам сквозь дно стакана
Порой на мир глядел.
И ложь подчас сквозила
В словах пятная честь,
Да мало ли что было,
Всего не перечеть.
Гляжу на жизнь былую,
Она – как черновик
А где же взять другую?!
Как сделать чистовик?!

Рябиновые кисти

Кисти рябины блестящие
Алым пылают огнем
Парни, вдали проходящие
Песню несут над жнивьем.
Всюду разлито так много
Грусти щемящей во всем!
Кажется, даже дорога
Плачет о чем-то своем.
Что ж вы, родные просторы,
Так удручаете нас?
Кто это, как это воры
Радость украли у вас?!
Разве мы вас не любили?!
Разве нас можно простить?!
Бросили вас, позабыли.
В город уехав грустить!
И рестораны, и шлюхи
Нас, молодых, увлекли,
Были мы слепы и глухи
К тяжким страданиям земли
Лезли с похмелья на краны.
Мир озирая с высот...
Землю душили бурьяны,
Чертополох и осот.
Кисти рябины блестящие
Алым пылают огнем,
Но не звенят настоящие
Песни над милым жнивьем

Если есть тезис и антитезис, то рано или поздно появится синтез. Причем, появляется не просто тогда, когда автор начинает писать о городе, как о деревне, а когда начинает видеть город – как продолжение деревни. Иными словами, прослеживает связь времен.

Это очень важный момент. Противостояние города и деревни снимается разделением их во времени. Наиболее ярко это видно на примере стихотворения «Воскресенский проспект». История Череповца показана как перерастание деревни в город, с сохранением духовных корней. Образно говоря, Воскресенский проспект проложен из прошлого в будущее.

Воскресенский проспект

Проспект многолюдный Советский
В лесной глухомани возник.
Здесь был монастырь Воскресенский,
И чистый струился родник.
Здесь люди не праздные жили, -
Росли, не дичали в глуши, -
Учились, трудились, служили,
Грустили, любили в тиши...
Пылали червонные розы,
Сидели – сидели писцы.
О чем проливались слезы?!
Печалились песней певцы?!
О том же, о чем нам грустится
В полночной таинственной тьме,
Когда почему-то не спится,
И время подходит к зиме,
И чудятся чудные звуки,
И чуткие ветки раки...
И где-то вдали у излуки
Твой взгляд васильковый горит.
Там звездами вечер рассвечен,
Торжественно месяц плывет,
И каждый и весел, и вечен,
И звонкие песни поет!
Проспектом идя Воскресенским,
Я думаю, как он велик:
Ведь стал он для многих Вселенским –
Всеи жизни звенящий родник!

ЛЮДМИЛА КУЗНЕЦОВА

Подари мне фиолетовую кружку –
Буду пить какао, кофе, чай.
Свой порядок жизни не нарушу,
О тебе забывши невзначай.

И, губами прикасаясь к краю,
Я представлю, что тебя целую,
Подари мне фиолетовую кружку
Маленькую-среднюю-большую...

Буду в глубину смотреть, как в небо,
Нагадаю счастье и удачу.
Ты уже не сможешь не заметить,
Как я много в этой жизни значу.

Отражаясь взглядом и душой,
Я солгу, что ты со мною не был.
И, губами прикасаясь к краю,
Пропasti, которая над небом...

Но опять свою придумаю разлуку
И печаль допью до дна, как нищий воду.
Подари мне фиолетовую кружку.
Из нее я выплесну невзгоду.
И, губами прикасаясь к краю,
Я оставляю след губной помады.
Подари мне фиолетовую кружку,
Это мне необходимо-надо.
Хоть чего-нибудь на память подари мне!
Обручальное кольцо, колготки, звезды.
Подари мне фиолетовую кружку,
Потому что все пройдет
И будет поздно...

ПАВЕЛ ШИРОГЛАЗОВ

Туч овал
Дождем плевал.
Небо хохотало.
Черт залез на сеновал
За окном светало

ЛЮДМИЛА ХАДЖИ

С каждой новой встречей ожидаю,
Что в любви признаешься мне сам.
Как люблю тебя и как страдаю.
По моим не видно ли глазам?

И не знаешь ты, что мне ночами
Не уснуть. Не разревуь сама.
Губы мои шепчут тебе *сами*
Нежные и грешные слова.

МАРИНА НАСЫТКО (6-й класс)

Кузина

Взяла ее бабушка крошкой.
Кормила, поила ее.
Большая теперь у окошка
Роскошная, милая кошка
Сидит и мурлычет свое.
Ее называют боякой –
Боятся людей, как огня.
Дерется своей длинной лапой,
Прыжок достигает огня
Черна, словно вечер в окошке.
Белеет пятно на груди.
Красивая, умная кошка
Шагает всегда впереди!

ВИКА БЫЧКОВА

Я не люблю прощаться.
Можно, я так пойду?
Можно, я буду смеяться?
И говорить ерунду?
Чуть затаив дыханье,
Сделаю шаг назад
С видом непониманья
Выдержу твердый взгляд
Позже потом оплачу
Эту свою беду
Ах не люблю прощаться,
Лучше я так пойду

ОЛЕГ ПРОНИЧЕВ

Сменились снегом листопады.
Декабрь был холоден и быстр.
И тополя последний лист
Поддался веяньям прохлады.
Слетел, и закружился вдруг,
Повиснув в ветра паутине
Над миром из углов и линий,
Чертя предназначенья круг.
И мне сегодня предназначен
Полет в неведомую даль.
Любимая, мне очень жаль,
Что поступить нельзя иначе.
Когда-то, через сколько лет? –
Мы снова встретимся возможно –
Пока же я не стану ложным
Внимать пророчествам примет.
Прощай! Теперь в вагонном стуке
Мне вспоминается одно:
Как ветер бьет в окно,
А ты разъять не можешь руки.

ВАЛЕРИЙ МИТРОФАНОВ

Мои свечи не дождем, а страстью
Загасило. Комната темна
Ты пришла сегодня в красном
А печально села у окна.
Как темно! И только у окошка,
Где спокойно дремлет моя кошка,
Платье красное твое в румянце печи
Чуть дрожит, как розовые свечи!

НИНЕЛЬ НИКОЛИНА

Как без дуды, без дуды
Ходят ноги не туды!
А как дудочку почуют,
Сами ноженьки танцуют!

ЗОЯ МАРЧЕНКО

На Архангельской дома,
Как терема.
На Архангельской живет
Мой старый друг.
Не позвонит – позвоню
Ему сама
Или, бросив, все дела,
Приеду вдруг.
Дверь знакомую открою,
Не стуча,
Брошу шарф на подоконник
Второлях.
Звон гитары, жар свечи,
Тепло плеча,
Звон бокалов
И ни слова о стихах!

НАДЕЖДА ЛИПИНА

Ты ее не предавай –
Ту, что смотрит на тебя.
Взгляд ее ты сохрани.
Сбереги его, любя.
В сердце сохрани своем,
Словно яркую звезду.
Он тебя благословит,
Горе отведет, беду.
Будет крепкой он скалой
Среди бурь и бед земных.
И построит светлый Храм –
Город Счастья для двоих.

ИГОРЬ ЭПАНАЕВ

Я поп-растрига –
В кармане фига.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВ

Огненный цветок

Огненный цветок раскрывается. Его упругие огненные лепестки распрямляются, очищают себе пространство. Огненному цветку тесно в черепной коробке города. Железобетонные берега асфальтовых рек слишком узки, небо из крыш и проводов слишком низкое, а мир, ограничивающийся в стекле окон и витрин, так хрупок и незащищен.. Огненный цветок поднимается вверх, и метал падает под его лепестками.

А внизу — люди. Много людей. Они уходят куда-то очень далеко. Внутри цветка — бесконечность. Вне цветка — бесконечность. Кого-то отбрасывает в бесконечность волна огненных лепестков, а кто-то уходит в бушующее пламя цветка. Люди уходят в никуда, и больше они никогда не вернутся. Но их голоса останутся здесь, внизу. Они будут в выжженном асфальте, в продыmlенном воздухе, в высотных коробках домов, в отражениях уцелевших стекол. Здесь, внизу, останутся только их голоса. Но Огненный Цветок не виноват в этом. Просто кто-то дал ему жизнь кратковременную, но бурную и яркую жизнь. Он просто вспыхнул, просто расправил свои лепестки и устремился вверх. Он не виноват.

Что нужно Огненному Цветку для жизни? Огонь и что-нибудь громчее. Огонь и гром. Ведь и того, и другого так много в природе, правда? Но однажды и огонь, и гром кончились, их не стало. И Огненный Цветок погас, погиб, как гаснут звезды, как сохнут травы и деревья, как погибают звери и птицы, как умирают люди. Его душа, дым, устремилась вслед за людьми, подхваченная холодным осенним ветром.

Какие же корни у Огненного Цветка? У Огненного Цветка только один корень. Этот корень — маленький масляной ручеек. Он течет, изгибаясь, по городским улицам, огибает мусорные баки, проскальзывая под заборами и машинами, он устремляется к иссеченному рубцами железнодорожных ран небольшому серому дому, в котором виднеется темный глаз подъезда, освещаемый лишь одной маленькой электрической лампочкой. Он минует вход в подъезд и течет к обшарпанной коричневой двери. За дверью — комната, в комнате стоит кровать, на которой лежит какой-то человек. Ручеек подтекает к кровати к кровати и...

«Ну и сон! — подумал Джек. — Покурить бы надо». Джек встал с кровати, оделся и подошел к окну. А за окном все та же топливная станция, все тот же холодный осенний ветер да хмурое небо затянутое серыми тучами. В пачке лежавшей на подоконнике, осталась всего одна сигарета. Джек взял ее, пошарил в карманах зажигалку и вышел во двор. Когда из зажигалки высочил огонек, Джек на минуточку задумался. Этот огонек что-то ему напомнил. Джек поднес огонек к сигарете и зажег ее. Вдруг сигарета выпала из его пальцев и приземлилась в маленький масляной ручеек, устремлявшийся к топливной станции.

VLADIMIR NABOKOV

ИГОРЬ ЗАХАРОВ

The poplar

Before this house a poplar grows
Well versed in dowsing, I suppose.

Пред этим домом тополь рос –
Дитя грунтовых вод и гроз.

But how it sighs! And every night
A boy in black, a girl in white

Как он смотрелся! В темноте
Ночной вдруг девочка в фате

Beyond the brightness of my bed
Appear, and not a word is said

И мальчик в черном, в дом войдя,
Садилась, не произнося

On coated chair and coatless chair
They sit, one here, the other there.

Ни слова, в кресла по углам:
Она вот здесь, а он вон там.

I do not care to make a scene:
I read a glossy magazine.

Я, не тревожа их, молчал.
Листая толстый свой журнал.

He props upon his slender knee
A dwarfed and potted poplar tree.

И мальчик приносил горшок,
В котором тополь рос с вершок.

And she – she seems to hold a dim
Hand mirror with an ivory rim.

Она ж гляделась в тусклый вид
Ручного зеркальца: хранит

Framing a lawn, and her, and me
Under the prototypic tree.

Оно как будто бы меня,
Ее, лужайку, тополя

Before a pillared porch, last seen
In July nineteen seventeen.

И дом, в котором я живу
В давно забытом мной году..

This is the silver lining of
Pathetic fallacies: the sough

Но все вдруг лунным серебром
На пруд ложилось. Водоем,

Of Populus that taps at last
Not water but the author's past.

Старался ночью отразить
Тех дней серебряную нить.

And note: nothing is ever said
I read a magazine in bed

А я по-прежнему молчал,
Читая, лежа, свой журнал.

Or the Home Book of Verse: and note
This is my shirt, that is my coat.

И узнавал сквозь плотный мрак:
Вот здесь мой плащ, а там – пиджак.

But frailer seers I am told
Get up to rearrange a fold

Но тут мой ангел исчезал
И я захлопывал журнал

ЕЛЕНА ОСТРЕНКО

Цветочек

Цветочек ты, да, именно цветочек.
И не иначе, точно так.
Кто знает, может, жизнь короче,
Чем первый муравьиный шаг?

Ты не цветок, нет, ты ЦВЕТОЧЕК!
Хотя, кто знает? Может, нет?
Или, возможно, жизнь короче,
Чем даже муравьиный след?

ГАЛИНА КОНСТАНСКАЯ

Ветер злится на кого – неизвестно.
И поет заунывную песню.
Ветер гонит прохожих по улице
И работой своею любитесь.

Ветер треплет деревья упрямо
И стучит, необузданный, в раму.
Ветер не спит, у меня бессонница –
В голове мысли разные ссорятся!

ВЕРА КОМАРОВА

Помутнели воды бешеной реки.
Подхожу к обрыву, но шаги легки.
Я раскину руки, брошусь в глубину,
Но воспряну к солнцу, а не утону

Стану белой птицей, чайкой над волнами,
Полечу за горы вместе с журавлями.
Ветер бьет по крыльям, чувствую душой
Как прекрасен этот мир неверный мой.

Не пойду к обрыву, не сорвусь к реке.
Крики журавлиные где-то вдалеке

АЛЕКСЕЙ ВЕСЕЛОВ

Утро. Исполованное светом фар
Ранних машин.
Люди. Бредущие сквозь туман.
Поднятые воротники.
Голые деревья. Раскинутые ветви.
Попытка поймать лето ушедшее.
Ощущение пустоты, поглощающее
Звуки. Просыпающегося города.
Последние птицы. Стаями
Направляются на юг.
Вдоль реки. По берегу
За ночь наморозило полосу льда.
Взгляд сквозь окна. Глаза.
Не продравшие кокон сна
Чувство, что осталось
Три вдоха до смерти.

ОЛЬГА РОСЛЯКОВА

Страшная история

Холод связал меня в узел,
Связал, свертел и закрутил,
Закинул за плечи несчастьем
И строго приказал: «неси».
Так и тащит на себе, покорное,
Несчастьюшко меня
А мне-то что? Лишь бы не сбросило –
Уж слишком тверда земля.

ИГОРЬ ЭПАНАЕВ

Из далека, клёво,
Лети, мое слово!

Я протестую
Не вхолостую!

С. ФЕДОТОВ
(гр. «Алтарь»)

Невозможное

Если меня спросят, это что – бред? Я отвечу – попробуйте летним, жарким июльским днем поймать восхитительную бабочку, проколоть ее трепетное тельце и положить себе в коллекцию.

Это бред? Я спрашиваю – это бред?

Картина безухого голландца; страсти великого Достоевского; усталые слепцы; покинутые и распятые женщины; гордые, одинокие мужчины – развлекаются в пенной Вере и ждут, ждут, когда придет их коллекционер.

Я задаю вопрос – у вас есть свое мнение – или мы слышим и видим все это уже в миллиардный раз? Трепет сердца Великие Сны. Плевал я на все эти сны. Я иду по своим стихам и стихиям. Мои стихи похожи на неровные дороги, я путник – путешественник, встречающий в каждой из галерей людей, но более встречаю я себя, иногда узнаю, иногда нет – так я изучаю свое подсознательное.

БЕРА К.

МЫШЬ

Море

Море- оно большое
И лапой своей медвежьей
Меланхолично рисует
Кардиограмму прибора
Море оно играет
Стремительно набегая,
Ловит ладошкой солнце
И ласково в нас целует.
Море в шторм умирает.
Тоской изнутри взрываясь
И чайки кружа над волнами
Плач голоса по морю.
Море всегда оживает
Море из ожидания:
Морю ночами снится
Ежик- друг медвежонка.
Море- оно большое.
Морю отчаянно нужно,
чтобы пришел крошка ёжик
пришел и сказал.
«здравствуй, море!»

С ветром несется, бурлит
И вздымает холодные волны зеленые.
Темным течением воды уносит
С вершин ледников и в гроздкие
Черные скалы врезается.
Неосторожные жизни сметает.
В провалы ущелий и пеной плюется,
Смеется жестоко над мертвыми,
С корнями сосен стволы захлестнув,
Все старается выдернуть, выломать.
Только холодные жители водные,
Бликом мелькнув иногда над порогом,
Летя в оглушительном грохоте,
Могут живыми остаться, не сгинув
Мгновенно в пучине,
Но мы до них все таки молоды.

АНДРЕЙ КУЗНЕЦОВ

Мать

Стоял один из тёплых октябрьских вечеров, два друга Васильич и Дмитрич сидели на крыльце, смолили махорку и изредка покашливали. Вдруг Васильич спрашивает:

«Чего-то я давно Володьку не видел-

-И не говори, ведь горе у него».

-А чего такое?

-А вот слушай, они с женой Варварой раньше в городе жили, а затем сюда перебрались, к земле поближе. Жили они вдвоём, пока не родились сыновья: Сашка да Лёшка. Пеклись о них, как о самом драгоценном. А Сашке-то, старшому, пришло время идти в армию, вот и попал в Афганистан. Но, слава Богу, пробыл он там не долго- всего пять месяцев, а в феврале-то 89-го войска начали выводить, вот он и вернулся живой и здоровый. А пока он был в Афганистане, мать все глаза выплакала, каждый день в церковь ходила. Вернулся Сашка-то, мать и успокоилась.

Подошло время младшему служить, Лёшке, стало быть. Попал он в Чечню. А там ведь сам знаешь, мы здесь-то под Богом ходим, а там и подавно. Володька, как и тогда, места себе не находит, а эта стерва... - Дмитрич закурил- а эта стерва, вместо того, чтобы письма писать, да молится- к телевизору. Смотрит сериалы, а имена героев в толстую тетрадь записывает. А об Лёхе даже не всплакнёт. Первый-то вернулся живой, а вот что Бог второму сыну на роду написал - вопрос.

И вот помнишь в сентябре мороз ударил, даже снег пошёл. Сидят они дома, эта стерва каналы переключает - и вдруг стук в дверь.

Выругался Володька: «Кого в такую погоду несёт»- и пошёл открывать. Смотрит, там паренек с почтой стоит.

«Чего тебе сынок?»

Паренёк снял шапку, потупил глаза в пол и подаёт похоронку: «Распишитесь пожалуйста».

Володька расписался, а самого ноги не держат. Пошёл на кухню, налил стакан, выпил до дна Чёрной корочкой занюхал. Вдруг Сашка слышит, что на кухне кто-то упал. Прибежал, смотрит- отец лежит на полу. Взял его на руки, положил на кровать. «Батя я сейчас! Ты только не умирай!». Бежит к матери, а та и знать ничего не хочет. «Не мешай. Тут Сандро Манузле в любви признаётся, а ты тут со своей ерундой!»

Побежал Сашка звать на помощь, нашлись добрые люди – отвезли в больницу. Вчера видел Сашку: говорит, что батя недельки через три оклемается.

Вдруг Дмитрич вскочил и сбегал в дом за бутылкой и тремя стаканами с хлебом. Дмитрич, налив в стакан водки, встал в полный рост, снял кепку и сказал: «Помянем война. Вот ведь как в жизни-то бывает»

Не чокаясь выпили до дна и занюхали чёрным хлебом. Они так просидели ещё где-то с час и разошлись по домам с горьким осадком в душе, а третий стакан водки, с коркой чёрного хлеба сверху, стоял, напоминая о тех, кого нет с нами

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ Г.ЧЕРЕПОВЦА ОБЪЯВЛЯЕТ СБОР СРЕДСТВ

«Если бы сейчас в Череповце был объявлен конкурс на лучшее прозаическое произведение, то эта рукопись, посвященная блокадному Ленинграду, вне всякого сомнения, заняла бы первое место».

Николай Кучмида, член Союза писателей России
(«Речь» №27, 2003 г.)

П.В.КОЛЕСОВ

Главное дело, которому он отдал многие годы, – написание книг. Они объединены общим названием «Не жалея живота своего» и повествуют о начальном, самом тяжелом и малоизученном периоде войны с фашизмом. Сейчас этот труд готов и ждет публикации. Однако издание требует изрядных денег. А откуда они у пенсионера? Поэтому Павел Васильевич обращается за помощью к землякам.

Рукопись ждет своего издателя!

Реквизиты:

ОАО «Промстройбанк»
Филиал «Череповецкий»
БИК 041946734
ИНН 7831000010
Р/С 4230181087000000001
ПСЧ 42301810971000698248

РОМАН КУЛЬТУРА

О национальной гордости (из трилогии «Русь»)

Я исполнен патриотических чувств,
Но нарастает злость.
Разбавили острым кетчупом
Народа славян белую кость.

Истекаешь кровью, болезнью сочишься
Из ушей, из носа, из глаз
Шальная императрица,
Страдалица-Русь.
Мать измученной расы.

В пропасти, в деградации,
Ускоренной западным эхом засилья,
Над вымираньем великой нации
Льешь скупые слезы бессилья.

А вы это эхо приняли,
Потому что всю жизнь жили нищими.
Хорошо что они нам нутро не вынули.
Оставив России духовную пищу.

Зачем подражать инородцам слащавым?
Лучше свою сохранить культуру.
Дайте с колен подняться державе,
Отпоите любви микстурой!

Бедная и помятая,
Извращена людской моралью.
Белая кожа с тебя снята,
Обнажены горла миндаины

Разворованная и пропадающая,
Хоть и пытаешься строить храмы, соборы.
Но почему не одеваешь ты
Защищающие от зла головные уборы?

Вожди говорят о свободе.
Метая лишь слов икру.
Ты же думаешь о народе.
Не принимая лжецов игру

Пытаются только запутать
Говоря избитыми фразами...
Гоните прочь баламутов,
Идущих путем разразным!

Пролило крови немало,
Умы сгноили в темницах,
Бумага терпеть устала
Летописный позор на своих страницах.

Ведь еще есть люди зрячие,
Но разобщенны и несобранны,
Они могли бы кровью горячей
Склеить клочки разорванные.

Все разбрелись по углам,
Стая воеет на стаю,
А в мире бушует Ислам.
И смятение нарастает.

Любим только своих,
Гребем под себя в каждой волости.
Плебеи решатся, возьмут на троих,
Мешок уж накоплен злости.

Узел мешка втихаря развязали,
У дороги оставив его на телеге,
Острый кинжал для резки достали,
Развернули карты стратегии

Карты у всех, но ты не стесняешься,
Что тебя невозможно рукою закрыть.
Для «цезарей» многих надеждой являешься
Кусок небольшой от тебя отхватить.

Наша мать – дородная женщина,
Раскинулась на континенте
Есть у нас стержень –
Мужик-деревенщина
И пара других монументов.

Они же считают нас оборванцами,
Убогой страной мира третьего,
Но все же боятся
Под ударами распластаться,
Мужика обросшего, плетью.

Всю жизнь боролись, кусались.
Крови немало пролили.
Но все же мы оставались
Добрými сердцем людьми.

Тайне нашей священной завидуют.
Но умом не поймут никогда.
Если даже и раскидают
Смердящую падаль по городам

Не может завистник достать ударом.
Залезет из-под порога.
Мы ведь и так вам отдали
Очень и очень многое

Халявщики, подлые негодяи!
Питаются нашей уткой мозгов!
Зато, кто на Родине – те голодают,
Не дарит она им лавровых венков.

Раскидали свое богатство
Сами то с чем будете жить?
Это же святотатство!
Наследство нельзя одолжить.
Что, волчья сыть! Теперь мусульмане
Ваших стригут овец.
Зажгите огонь, топчите ногами,
Положив беспределу конец!

Знают, небритые рожи,
Что природы остались корчи!
Дурмана-травы вместо водки предложив,
Насыпали соль, добавили скорби.

Цветы умирают не только на поле,
Опьяненные страстью сражения,
Но так же их смерти комбайн
Молотит на воле,
В опийной жатве веселья.

Всегда были белыми, русыми.
Сейчас колорит недостаточно узкий.
От арабов рожаєте с индусами,
А детям в паспорте ставите:
Русский.

Женщине местной отдай поклон,
Чужая стерва не со знаком плюс!
Сломай пополам трубадур-саксофон.
С балалайкой крепи союз!

Где ваша гордость?
Что с нею стало?
Хотите с утра чтоб всегда был бодун?
Для того, чтоб Россия из пепла восстала
Лейте родной,
Только крепкий чугу́н.

Вместо послесловия

Когда-то сын к отцу приходил
И говорил: Родитель!
Что я сделал нехорошего,
В чем я плохой, вредитель?

Сейчас с кого брать пример?
Только с прошлого старого.
Срочно принимайте меры
По максимуму без малого!

А чтобы тебе не прийти снова к злему,
Обернись, посмотри назад.
Отдай дань величию бывшему,
Пыль стряхни и одень тех мундиров парад.

ИГОРЬ ЭПАНАЕВ

Я сегодня очень пьяный,
Я лечу на ероплане.
Оба-на! Оба-на!
У меня ведро вина!

Галина Ончурова

Я оживу, вы только капельку
Живой воды мне выдайте...
Но как же эту капельку найти,
И по какому мне отправиться пути?
И по какой дороге в этой тяжелой
Энергетике пойти?

Бьется дух отчаянно и буйно.
Трудно и мучительно страдать.
Но мы родимся,
Обязательно родимся,
И бурно будут
Розы расцветать!
Мы на стыке двух тысячелетий,
Бог ты мой,
Какая ж это честь –
Ответ нести за
Предыдущий век
И с белого листа
Век новый
Начинать.

В грядущую эпоху не берите
Ложь и грязь,
Разврат и зависть.
Озлобленности и пьянства
Рок,
Войн жестоких и
Кровавых
И предателя Иуды
Поцелуй.

Голубую жемчужину нашу,
Дорогую планету Земля,
Чистой Душой
Преображайте.
Огненным Сердцем своим
Освещайте,
Тогда только
Будет вечна она

Я оживу, обязательно,
Сделаю это.
И до цели своей добегу,
Доползу,
Но дойду,
Из-под власти кошмара
Уйду.
Лишь живой водой
Освежайте,
Радугой очищайте,
Оживляйте,
Согревайте.

ВАЛЕРИЙ ЗИНИН

Студентам-карьеристам

Раз в цене образование,
Каждый лезет в институт
И мечтает в подсознании
Ему должность припасут

Все мечтают о портфеле
И хотят руководить.
Только мысли о карьере
Очень трудно воплотить.

Слишком много претендентов
На вакантные места,
И отсеять конкурентов
Есть у каждого мечта

Кто циничнее, наглее,
Тот продвинется вперед.
А того, кто поскромнее,
Неудача в жизни ждет

Путь к успеху очень труден.
Только хочется спросить:
Кто теперь работать будет?
Все хотят руководить...

ТАТЬЯНА ЖМАЙЛО

Все мне кажется – я сирота.
То ли дом не тот, то ль страна не та,
И в краю чужом все одно и то ж –
Ни один родной в дверь мою не вхож.

У сиротства есть неизбывный грех:
В одиночку – спесь, в одиночку – смех.
С фонарем ищу, светом не слеплю.
Не найдя – грущу, по ночам не сплю.

У бессонницы – стать не та.
Всякий молится без креста;
Одиноким быть – в стороне от всех,
А вдвоем молить – замаливать грех
И в два голоса Богу в уши дуть,
Молить в унисон: не забудь!

СИДОРОВА ОЛЬГА

Снегопад

Вечер ...
Сумерки сгустились над поселком.
В домах вновь зажигаются огни,
И небо, светло-синее,
Вдруг стало темно-синим
Без единой звездочки на небе
Снегопад...
Так и есть, начался снегопад.
Вначале тихий падал снег,
А потом все больше и больше,
И таинственный прекрасный лес
Вдруг оказался в снежном одеянии
Тишина
А снег кружится хороводом
При свете ярких фонарей,
Рисует сказочное диво,
И в вихре снежную снежинку
Куда-то вдаль уносит навсегда.

ДЕНИС СМИРНОВ

У меня был котенок,
Вы его не знали.
Иначе б любили его
Как я и ласкали.
Роняли бы слезы
Над ним в печали,
Когда он вернулся
Однажды домой
В крови и грязи

И были бы злы,
Роя грубую землю,
И думали без остановки,
Что где-то есть на небе
Рай для любимых котят.

ВАЛЕНТИНА БЕЛЯЕВА (Устюжна)

Лишь поутру
Ты смотришь на кота
Вот это да!
И удивляешься ему:
А почему?
Мохнатому зверьку все
Ни к чему.
Ему б еду,
Хипповому коту,
Коверчик мягонький,
Чтоб легче было
Кошачьему хребту.
Ни думать, ни мечтать
Идеи вкривь и вкось
Воссоздавать – в кошачьей
Жизни это ни к чему,
Завидуешь порой ему

ИГОРЬ ОСМИНКИН

Молодая гвардия

В шелесте высокой сосны
Красили дождём лица.
Жили от весны до весны.
По луне вода серебрится.
Слыли за великих бродяг,
В песню обращали облака.
Пыль дорог- за шагом шаг.
Сквозь ладонь вода родника.

*Ой, мама, мама моя.
Я - молодая гвардия.
Песню пой, мой культовый герой,
И я обязательно вернусь домой.*

За тридцать земель лесами дикими шли,
В яблоневый цвет, в заколдованный край.
Падали пшеницей под серпами любви,
Растекались в мёд- золотой урожай.
Видеть хотели это место, где
Стоит на земле радуга-сон.
Каждый шел на поклон к звезде.
Каждый без памяти был влюблён.

*Ой, мама, мама моя.
Я - молодая гвардия.
Песню пой, мой культовый герой,
И я обязательно вернусь домой.*

Смотри, бешеные пляски золотых огней,
Круче ножа, виртуозней меча.
Смотри, как яблоками небо осыпает коней,
Смотри, камни расплескали на воде печаль.
И вот в древней деревне пекут пироги
И кто-то опять в небо свет налил.
Молодая гвардия ненавидит ни зги.
Возвращаясь обратной стороной земли.

*Ой, мама, мама моя.
Я - молодая гвардия.
Песню пой, мой культовый герой,
И я обязательно вернусь домой*

АЛЕКСЕЙ АНИСИМОВ

Чрезвычайная глупость

... Сначала все были глупыми. Вообще все только никто не понимал, что он беспробудно глуп и разумом немощен. Думать не любили, любили драться и обзывать друг друга мерзкими словечками. Людей совсем не было, потому что это происходило на другой планете. Планеты Земля тоже не было. В то время еще только Солнце делали, реакции рассчитывали. Очень тупые ученые рассчитывали совершенно гадкие реакции. Позже запустили Солнце – засветилось, загорелось. Стало жарко. Подобрели существа – стали щупальцами обниматься и дарить друг другу тапочки из антигравитационного волокна, на память. И было уже лучше, глупых, которые не хотели быть умными, выслали в космос. Глупые обиделись, посчитали ссылку унижением и не захотели возвращаться, поэтому из пыли и грязи, собранной в космосе, сделали Землю. Посмеялись и решили сделать существ глупее себя. Всем им затея понравилась: один сделал клетку, другой из клеток лепил, третий жрал над ними... Прошло время, ничего у них не получилось, передрались глупые, покидали заготовки в воду, поплевали на Землю, загадили ее, напустили газов и улетели. Улетели недалеко – перепутали курс – сгорели на Солнце.

А Земля стала жить. Только в начале это было незаметно. Первым увидел свет Полный Дурак, ничего делать не умел, только жрал одноклеточных. Его никто не жрал – крупнее не было. Много времени пролетело, на Земле есть жизнь. А на той планете, где раньше жили глупые, случилось чудо – умные рехнулись в связи с переизбытком ума. Глупые еще раньше сожгли свой зад на Солнце. На Земле живут Средние, они сочетают в себе качества глупых и способности умных... Но основное в их поведении можно проследить от изначальной точки – Полного Дурака...

-Валера! А когда ты на мне женишься?

-Знаешь, дорогая, не бери это в голову.

НАСТЯ ВИНОГРАДОВА

Жизнь, как парящая птица,
Мчится стремительно ввысь
Некогда остановится
И посмотреть вниз
Вчера ты был молод и весел,
И сила кипела в тебе.
Сегодня ты стар и беден
Стоишь с клюкою в руке.

АНДРЕИ КОРЕНЕВ

Ну что с того, что я умру?
Не зря в народе говорится,
Что смерть прекрасна на миру.
А счастье в жизни только снится
И оседает поутру
Соленой коркой на ресницах.

ЮРИЙ ЖИГУЛИН

Волчья стая

Волчья стая сговорилась съесть Барана.
Волки видели в нем своего тирана.
Стоило Барану появиться –
Как вся стая начинала злиться.

Говорил тогда вожак бедовый:
«Ишь ты! Снова вышел в шубке новой.
По лугу да по полю все ходит.
И – гляди! – на нас рога наводит...»
Раздавалось в стае вдруг рычанье:
«Что мы за кустами, как в изгнание!
И чего Барана нам бояться –
Ни рычать не может, ни кусаться?»
«Ух! – кричал другой, - Вообража ает!
Он же нам рогами угрожает!»
И грозились Волки в дикой злости.
«Мы пересчитаем его кости!»

А Баран, не ведая угрозы,
Нюхал все подряд: траву и розы,
Наслаждался лугом он и млеял,
И порою от восторга блеял.

Волки за кустами шевелились
И, боясь собак, ворчали, злились.
Но потом однажды утром рано
Съели все-таки они Барана.

ИННА ШЕЙНА

Показалось-померещилось,
Приняла обман за явь.
Никому и не приметалось
А почти не обожглась
Остудилась равнодушием.
Снова маску на лицо
Словно разговор подслушанный
Мимо памяти прошел

НИКОЛАЙ ХОХРЯКОВ

Ночь Оленя

Опускаюсь на колени
Пью из лужицы глазами
Рог изогнутый олений.
Даль, умытую слезами.

И брожу с осанкой гордой
В темноте по гулкой роще.
И расталкиваю мордой
Веток занавес непрочный.

И реву, что было мочи,
И зову на бой посмевших
Мне ответствовать... И прочих –
Хрупких самочек сомлевших.

И журчит по жилам тонким
Неуемное стремленье
Унести по тропкам звонким
В даль осеннюю оленью,

Чтобы пар над мощной холкой
Смутным облаком клубился,
Чтобы в лужах месяц тонкий
Под копытами дробился,

Чтобы выстрел, грянув в спину,
Не догнал меня, и я бы,
Гордо голову вверх вскинув,
Никогда не стал бы слабым,

Постаревшим, погрузневшим,
И не нравящимся больше
Хрупким самочкам сомлевшим,
Чтобы жизнь кипела дольше!

ИГОРЬ ЭПАНАЕВ

Если выпить фляжек пять –
Баба ягодка опять!

АЛЕКСАНДР СМЕЛОВ

Паучья доля

Иван Иванович, солидный паук средних лет, задумчиво сидел в уютном кресле. Четыре лапки его блаженно покоились на брюшке, две покачивались в воздухе около головы, а две лежали на сигнальной паутине.

Настроение у Ивана Ивановича было прескверное. Не радовало солнышко, осветившее его гнездышко и заставившее причудливо играть бриллиантовые капельки росы. Вдруг дверь открылась и на пороге возник сосед и брат Петр Иванович (тоже добропорядочный паук средних лет). Братья пожали друг другу лапы. Петр Иванович плюхнулся в кресло напротив.

-Знаешь?

-Конечно...

-Какой ужас!?

-Да, бедный Кузьма...

-Жуткая судьба у нас, у пауков. Столько лишений выпадает на нашу долю. Крутишься в молодости, крутишься – ищешь свой угол. Потом зубами его у конкурентов отвоевываешь. Паутину-то ведь из себя тянешь, а сколько ее надо?! И ведь какую пользу этим людям приносишь. А они?

-Да, брат. Вся жизнь так. Бьешься. Бьешься. То оса паутину порвет, то какой-нибудь мальчишка набалуует. Да вот Кузьма. Домовитый мужик, спокойный, хозяйственный, красавец! Уж, кажется, в таком надежном месте жил. А чиркнул спичкой паразит – и нет Кузьмы...

-А на прошлой неделе Митрофан. Высунулся, чудак любопытный, а она тут как тут и нет мужика.

Да. Жизнь не сахар. Под богом ходим...

Они еще долго обменивались мнениями, ворчали – накатывалась старость. Обговорили, наверное, все, все вспомнили. И голодное детство, и драки со сверстниками, и работу до кровавого пота от зари до зари. Не касались только Зинки. Потому что тема эта была нервная. О ней постоянно напоминало Ивану Ивановичу большое плечо, а Петру Ивановичу даже два плеча. А между тем, подходило то время, когда братья и окрестные пауки сойдутся в ожесточенной схватке обладать самкой. И победителя Зинка сожрет, как сожрала уже многих.

Подшло время обеда. Первым забеспокоился хозяин. Сигнальная паутина не дрожала. На потолке у Ивана Ивановича висело 8 мух, но ему было жаль консервы. Они могли пригодиться на случай болезни или непогоды.

Потом забеспокоился гость. Он, конечно, не решался сказать прямо, а только красноречиво поглядывал то на часы, то на потолок.

Но вот задержалась сигнальная паутина. Иван Иванович стремительно бросился к сети. В самом центре паутины билась крупная муха. Она крутилась, издавая отчаянные истошные вопли, но запутывалась все сильнее. Иван Иванович обежал жертву кругом. Осмотрел. Закрепил канатиками. И, не обращая внимания на мольбы о пощаде, впрыснул в тело мухи яд.

Братья не спеша, чинно пообедали. Муха была превосходнейшая, в меру жирная (у Петра Ивановича уже пошлала печень). Иван Иванович, обсосав последнюю ножку, блаженно откинулся в кресло. Проводил сонным взглядом уходящего домой брата и захрапел.

Но такова уж паучья доля... Опять задержалась сигнальная паутина и Иван Иванович, проклиная все на свете (отдохнуть не дадут) бросился к сети. В сети билась еще одна муха. Иван Иванович деловито опутал жертву, вздохнул, убил и пошел досыпать.

МАРИНА ШАНИНА

Актеру

Не спрашивай, как он достиг высот –
Колени согнуты, обхвачены руками,
Загримирован под улыбку рот,
А вот глаза наполнены слезами...

Кумир людских сердец!
Сегодня – Бог, а завтра – нищий...
Уже давно потушен в зале свет,
Но его взгляд еще кого-то ищет

Что ждешь ты от коварной темноты:
Рукоплексаний хор или поддержку глаз?
А может, ищешь милые черты,
Читая вновь и вновь обрывки фраз?!

Помилуйте, каков чудак!
Он отдает поклон пустым рядам
А за его спиной как- никак
Дебюты, лавры и трудов года

Багровый занавес, истертый временами,
О, скольких видел ты и перенес!
И, неужели, розы в целлофане –
Итог страданий, радостей и слез?!

ВЛАДИМИР СУСЛОВ

В этом мире беспокойном
Я не сетую на долю,
Лишь бы жизнь прожить достойно,
Принимая Божью волю

Лишь бы в зависти и злости
Эту землю не покинуть
Люди! Милые, не бросьте,
Вместе горы можно сдвинуть!

Утешаться не пытаюсь –
Мир красив, но безутешен
Да и попусту не маюсь,
Каждый смертный в чем-то грешен

ВИКТОР КИЧКАРЕВ

Солнце

Золотистые листья
Греются на солнце.
Радостно поляку,
Радостно японцу!
Радуются дети –
У них новый мячик,
Солнце быстро сушит
Множество болячек.

ВНИМАНИЕ!!!

ПРОЧИТАЙТЕ РЕЛЯЦИЮ!

Родник поэзии звенящий

В литературном музее Детского и юношеского творчества г. Череповца состоялся творческий вечер Кузнецова Николая Алексеевича, члена Союза российских писателей.

На него собрались поклонники поэзии, школьники, друзья, близкие и родные поэта. Звучала дивная музыка – песни на эти стихи исполнял известный певец-композитор, лауреат Всероссийского конкурса «Русский романс», «Ретро-шлягер», исполнитель (гитара) в стиле «Шансон» и «Городской романс» Н.А. Цветков :

*Соловей-соловушка,
Засвисти, запой.
Я свою головушку
Потерял весной.
Потерял бедовую
Там, где ты прошла.
Синью васильковую
Сердце обожгла.
Я теперь отчаянно
Без конца грущу...
Потерял нечаянно...
Скоро ль отыщу?*

Чудесный голос, замечательное исполнение. Свои песни проникновенно сыграл и спел музыкальный дуэт из школы искусств №2 – преподаватель Кандаурова И.В. со своей воспитанницей

Ведущие – молодой педагог Пожидаева Н.В. и ученица 11 кл школы №24 Лебедева Евгения кратко описали жизненный и творческий путь поэта.

На вечере выступали школьники с чтением стихов поэта: Судаков Саша, Горев С, Трусов Ваня, Максимова Лена, Казакова Аня (шк. №42), Ксения Биленко, Громова Вера, Лебедева Е. (шк. №24), Жаркова Люда (шк. №20), Горина Маша (шк. №14), Абрамовы Инга и Вика (студентки ЧГУ), Савинкова Валя (шк. №9), Вострякова Лиза (шк. пос. Тоншалово).

Зав. Литературного музея, председатель «Батюшковского общества», лауреат «Золотой Пушкинской медали за вклад в развитие литературы и культуры» педагог Чусова Валентина Дмитриевна и Вика Абрамова читали афоризмы поэта из его книги «Звенящий дождь» Затем выступали почитатели его стихов, товарищи, коллеги и друзья

Председатель городского литературного объединения Череповца, член Союза Писателей России, член бюро Вологодского отделения СП В.М.Хлебов высоко оценил творчество Кузнецова Н.А., сказав что он «родник поэзии звенящий», что это настоящий поэт с Божьим даром.

Много теплых слов сказал и член Литературного Совета г. Череповца В.А.Фомин «Я, - сказал он, - люблю поэзию Николая Алексеевича, читаю и перечитываю его Стихи. Они светлые и чистые. Он – избранник Божий, ведь его стихами как бы говорит с нами сам Всевышний, выбрав его из нас для передачи своих мыслей».

Преподаватель кафедры философии ЧГУ В.Б.Анохин говорил о большом философском звучании в лиризме стихов Кузнецова: «В своих лекциях я иногда цитирую студентам строки его стихов:

Протянула б руки,
Подошла б сама...
Без тебя от скуки
Я схожу с ума».

Порадовала собравшихся своей виртуозной игрой на фортепиано и чудесным исполнением песен дипломант Всероссийского конкурса актерской песни, обладательница «Гран-При» «Романсиады-97» Е.Ю.Никитина.

Т.Корнева

ПОСТОЯНСТВО – КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПРОГРЕССА

Начиная с января 2003 года в доме-музее Верещагина Игорь Эпанаев проводит презентацию областного журнала «Нахаленок». Факт радует и сам по себе, но хотелось бы остановиться, так сказать, на подноготной этого дела.

Самому «Нахаленку» - перевалило за пятилетку, а презентация началась только сейчас? Весьма удивительно! Но поразмыслив здраво, приходишь к выводу, что так и должно было быть.

Презентация, как сценический выход издания, требует регулярности. Когда «Нахаленок» выходит раз в месяц – нет проблем. Но мы помним, когда он выходил и раз в два-три месяца. Такой период, конечно, никого не устраивает. Поэтому-то и презентовать было нечего. Так что, все происходит по железным законам необходимости. Именно поэтому, презентация «Окраины» в виде самостоятельного концерта пока откладывается. Будем выходить раз в месяц, тогда и...

Но вернемся к нашим баранам

Опыт проведения акустических «Прыжков выше головы» у Игоря Эпанаева, конечно, есть. Поэтому должный уровень мероприятия был (и будет) обеспечен. Проблема в другом: а много ли покупают «Нахаленка» на таких презентациях? Вряд ли. А ведь собственно, целью презентации издания и является его продажа.

Так что можно сделать вывод: работали хорошо, но предстоит еще лучше!

ПАРОДИИ КВАДРАТИКОВА

Как говорил сам Квадратиков, пародировать можно только хорошие произведения. Поясним мысль. В чем суть пародии? Выбрать заинтересовавшую идею и развивать ее до полного абсурда (или до полного логического завершения, быть может?). Ясно, что в плохих стихах «развивать» особо и нечего. Поэтому, хорошая пародия возможна только на хорошее произведение.

Так говорил Квадратиков...

А вот что говорил В.М.Хлебов:

В нашем городе нет поэтов, избравших пародии как основной жанр. Так что эта ниша не занята. И если бы оный Квадратиков занимался пародиями систематически, то добился бы немалых успехов.

Остается добавить, повторяя, правда, самый первый выпуск «Окраины», что не следует путать пародистов с паразитами. Хорошая пародия создает дополнительное измерение оригиналу, позволяет его увидеть новыми глазами.

Заслуга Александра Квадратикова в том и состоит, что он своими пародиями «канонизирует» череповецкую литературу. Было бы печально, если бы и пародировать у нас было нечего...

Ниже представлены пародии Квадратикова, взятые из сборника «Не только о водке».

P.S. Сами пародируемые произведения не приводятся. Раз в сборнике их не было, значит, такова воля автора.

шарж О.Борисевич

О Квадратикове

За ним охотятся поэты
(Давно не тайна псевдоним).
Он искривляет их «куплеты»,
Гроза сгущается над ним.

Душа болит, а морда просит...
И могут запросто прибить.
Но, очевидно, он не бросит
Шутить,
Пока не бросит жить.

А ставить памятник случится,
То можно выбить на плите
«Конечно, был он пародистом,
Но все же склонным к доброте»

А.П.

А.Х.

Вновь терпенье твое погнуло.
Нарядилась ты в платье новое.
На прощанице дверью хлопнула.
Обозвала плохим словом.

Ты, наверно, совсем сбрендилась?
Мы ж поэты всегда бедные.
Как куплю тебе виски с «брендами»?!
Гонорары сейчас бледные.

Чтоб не стала и впрямь вдовушкой,
(Не доставлю такой радости)
Пей уж лучше мою кровушку.
В ней бывают сильнее градусы.

В ней бывает всего намешано...
(Что коктейли по ценам бешеным),
Дорогая моя женщина!
На закуску лапши навешаю.

С.С.

**

И я усну в свой час печальный
Под монастырскою стеной.
Ну а пока стакан нормальный
Держу уверенно.
Одной...

Друзья подносят и подносят.
Багрово милое лицо.
Все! Перебрал.
И вот выносят
Меня хмельного на крыльцо

Любуюсь утренней зарей.
Жду с опохмелкою дружка.
Над вологодскою землею
Плывут, качаясь, облака.

Каждый двигательный орган
Требует завода.
Не заводится сегодня
После огорода.
И пока я не могу,
Извините.
Отлежусь на берегу,
Погодите!
Верю я, что орган мой
Заведется.
От лопаты штыковой
Не можется.

Н.Б.

Водка-87

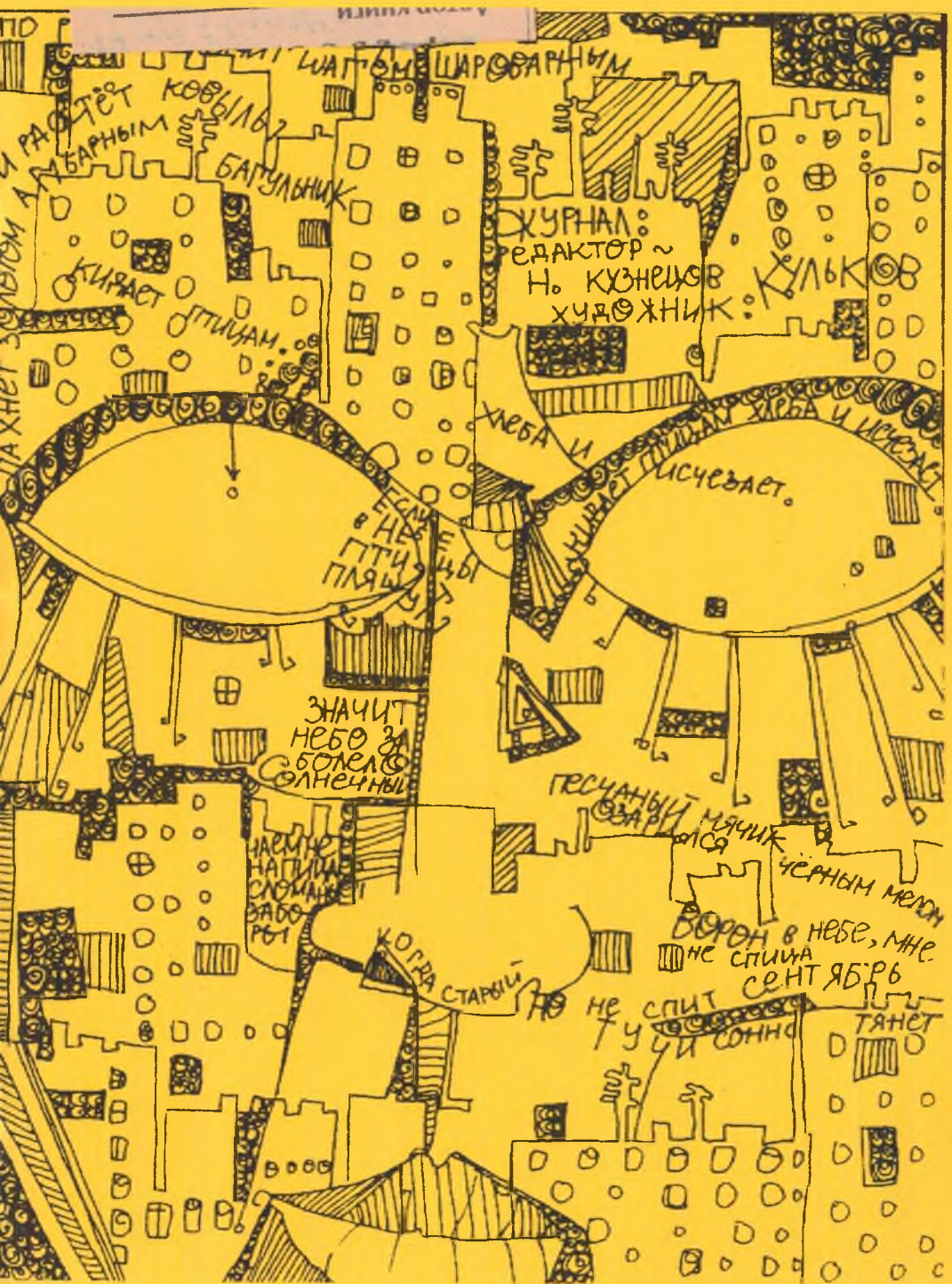
В каких-то метрах трех от кассы,
Жарой сраженный наповал,
Упал я, но глоточек кваса
Мне сердобольный кто-то дал.

И взял положенных две водки.
Я тут же с радости и зла
Распил с приятелем в охотку,
И боль в головушке прошла.

И зря менты орали грозно,
Чтоб залезал в машину сам.
И это с половины дозы.
А если б выпил «килограмм»?!

И.Э

Я вчера поймал козла.
Завязал на три узла
И ни шерсти, ни котлет
А ваще-то я поэт.

ШАРОВАРЫ

РАБОТАЕТ КОШКА
А МЯСНЫМ БАТУЛЬНИК

КИРАЕТ ПТИЦАМ

ЖУРНАЛ:
РЕДАКТОР ~
Н. КУЗНЕЦОВ
ХУДОЖНИК:

КУЛЬК

ХЕБА И

КИРАЕТ ПТИЦАМ ХЕБА И ИСЧЕЗАЕТ

ЕСЛИ
В НЕБЕ
ПТИЦ
ПЛЯШУТ

ГЕСЧАНЫЙ МЯЧИК
ВЗРАСТАЕТ

ЗНАЧИТ
НЕБО ЗА
БОЛЕЕТ
СОЛНЕЧНЫМ

НАСМЕТ
НАПИША
СЛОМАЕТ
ЗАБО
РЬ

ЧЕРНЫМ МЕЛОМ
ВОРОН В НЕБЕ, МНЕ
НЕ СПИЩА
СЕНТ ЯБРЬ

КОГДА СТАРЫЙ

НО НЕ СПИТ
ТУЩИ СОННО

ТЯНЕТ

В ПОЛЕ КАМНИ
 ОЖИВАЮТ ПОД
 ДУГОЙ ЖАРЫ
 ПОЛУЧЕНА
 СВЕТОМ ЛЬЮТСЯ
 СКВОЗЬ ДОРОГИ
 СОСНЫ НОГИ
 ПРЕЛЕ
 Д СЛЫШАТ
 ШАГ НЕВИДНЫЙ
 ДЕНЬ ШИРАЮТ
 НОЧЬ СМЕТАЕТ
 ТЕНЬ СМЫВАЕТ
 ТЕНЬ РУЧЬЯМИ
 ШЕОК РУМЯНЫХ
 СИНИЙ КОФЛАК
 НОЖНОЙ НОЧИ
 В АПЕЛЬСИНАХ
 МОИСЬ ЗРЕЕТ.

*** (НАЧАЛО)
 КОФЛАК СИНИЙ
 НОЖНОЙ НОЧИ
 АПЕЛЬСИНЫ ВЕТРЫ ТОЧАТ
 ПЛОЧЬ ЛЕТАТ МОРЕЙ ОРЕЖИ
 МАЧТЫ СЯГИ РУКА ВИЦЫ
 ДЕНЬ ЗАКНУТЬ МЕЧТОЙ
 ЗАБЫТЬСЯ

В РАЛЬ ДОЖЛИВУЮ ПОВЕРИТЬ
 КАРИЙ ВЗГЛЯД
 СКУПЫЕ ПЬЕРИ
 СВЕТОМ ШЕЛИ, В ЛОБ
 И ЗАСОРЯМ БЕЗВОЗВРАТНО
 КОПЬТОМ
 ОТРАЕТСЯ ТИХИМ СТУКОМ
 КРОВЬ В ВИСКИХ ПОХМЕЛЕН
 ХОДЯТ РАНИМ
 ЗА МАЛИНОЙ, ЗА ЧЕРНИКОЙ
 ЯГОДОЙ СМЯТЕНЬЯ ЧИСТОЙ
 В ЛЕС КОЛЕНОМ
 СОЛНЦА ШИТРУБ

В ПОЛЕ КАМНИ ОЖИВАЮТ ПОД
 ДУГОЙ ЖАРЫ ПОЛУЧЕНА
 ТАМ

ПРЯТОШИБКАТЫ СВИРТА... БЫВАЛО...

(КОНЕЦ)

ОСНОВОПОЛОЖНИК ↓ ТИРАЖ : 300 экз.
 РЕДАКТОР : Н. КУЗНЕЦОВ
 СПАСИБО : СКМ , АВТОРАМ
 ОСОБЕННО.

НОВЫЙ ЖУРНАЛ ↓ НАСТОЯЩИЙ ТАКОЙ...
 ХУДОЖНИК И : В. КУЛЬКОВ
 ПРОСТО АРТИСТ : ЕГО ЖЕ.

2003 г

Л2

